

Чай Цзыжань снова взревел:

— Герои! Богатыри! Вы должны за меня заступиться! Управитель уезда Суюй Мо Цзюцзюнь — взяточник и злодей, что людей в разврат загоняет, походя жизни губит, всякого лиха не чурается и народные соки выжимает! Довёл он меня, простолюдина, до того, что идти некуда. Слыхал я, что на «Переправе Восьми Бессмертных» восемь отрядов справедливых молодцов обретаются. Умоляю вас, дайте несчастному шанс выжить!

Один из разбойников спросил:

— И как же тебе помочь?

Чай Цзыжань, стиснув зубы от стыда и негодования, выпалил:

— Этот казнокрад... мужеложец. — Помедлив, сквозь зубы выдавил:

— Возжелал он меня обесчестить, уууууу!

Оба разбойника остолбенели. Тот, что приставлял нож к горлу Чай Цзыжаня, даже отвёл клинок, проникшись сочувствием:

— Что ж, и впрямь горькая твоя доля.

Чай Цзыжань пустился в пространные жалобы:

— Ещё бы не горькая! Жил я себе знатным гулякой, а как приехал на родину предков почтить — этот мерзавец меня и приметил. Вознамерился силой овладеть! Я хоть и сопротивлялся что есть сил, да кто он — Мо Цзюцзюнь, родной сын великой старшей принцессы! Ууууу... Делать нечего — истратил все сбережения, нанял бойца из ремесленников. Тот меня в мешок запихал, на плечи взгромоздил — и в горы, на спасение.

Весь в блевотине, он пополз на четвереньках к разбойникам, словно щенок, и взглянул на них слезящимися глазами:

— Герои! Спасите! Помилуйте! Коли вернусь я туда... — прикрыл ладонью грудь, сгорая от стыда, — не только невинность потеряю, но и замучает тот злодей до смерти! Ууууу!

Увидев, как он приближается, разбойники дружно отпрянули, дабы не вдыхать зловонный запах. Выслушав же сию печальную повесть, оба прониклись жалостью. Отвели его к ручью, велели отмыться, да ещё и чистую холщовую рубаху снабдили.

Хоть в душе у Чай Цзыжаня и клубилась туча вопросов — эти двое, хоть и с дубинами да ножами, смахивали больше на деревенских парней, да ещё и тощих, — ни капли на грозных разбойников не походили.

Спустя некоторое время те поинтересовались:

— Ну что, обмылся?

Чай Цзыжань, понежившись в прохладной воде и переодевшись, бережно спрятал на груди бело-нефритовый замок Жуи и вышел на берег, изливаясь в благодарностях:

— Готово, готово! Низкий поклон вам, богатыри, за спасение! — И уже собрался было на колени пасть.

Те же остановили его:

— Не к чему. Как звать-то? Отныне мы с тобой братья по горе.

Чай Цзыжань, взволнованно сложив ладони, отрекомендовался:

— Чай Цзыжань, столичный. Уезд Суюй — родина покойной матери моей, а значит, и моя.

Разбойник постарше сказал:

— Я Ада, так и зови. По этой горе ходи свободно, а вот на другие заходи — хоть там и братья наши, земляца та не под нашим началом.

Младший, с улыбкой:

— А я А Цун.

Чай Цзыжань восхитился:

— Не думал, что Чай Цзыжаню так легко волчьих лап Мо Цзюцзюня избежать удастся! Всё благодаря вам, братцы славные. Коли не гнушаетесь, давайте побратаемся!

Ада нахмурился:

— Не спеши. Мы и так одной банды братья — клятва не нужна. Сначала к атаману пойдём.

В глазах Чай Цзыжаня мелькнула радость, но он сокрушённо вздохнул:

— Что ж, пусть будет так.

Ада зашагал впереди, А Цун и Чай Цзыжань — следом. Чай Цзыжань понизил голос, наклонившись к А Цуну:

— Братец Ада, кажись, невзлюбил меня с первого взгляда?

А Цун похлопал его по плечу:

— Не принимай близко к сердцу. Был тут у нас в Пятом лагере один богатый отпрыск — тоже в жалком виде явился. С Адой даже побратался. И знаешь, чем кончилось?

Чай Цзыжань почесал нос:

— Наверняка братец наш Ада от того побратима пострадал.

А Цун мрачно кивнул:

— Умён ты, брат Чай Цзыжань.

Чай Цзыжань подумал про себя: «Ещё бы! По роже Ады видно — надували его уже». Вслух же с живейшим участием спросил:

— И как же тот негодяй, сердца не имеющий, мог братца Аду предать? Как звать-то его? Может, знаком он мне. Коли так — имя его на бумаге начертаю да в чучеле иглами исколю!

А Цун ответил:

— Звали Цзинь Синь.

— Цзинь Синь?! — Чай Цзыжань всегда полагал того грубым воякой, а выходит — и в разбойничьем логове сумел спектакль разыграть, брататься притворно да людей обманывать. Право, по одежке не встречают.

А Цун спросил:

— Брат Чай Цзыжань, знаешь его?

Чай Цзыжань нахмурился, припоминая:

— Не сын ли он какого-то генерала? В столице, кажись, молодой господин на слуху был. Да только особа столь высокого полёта на меня, мелкого сошку, и внимания не обратила бы. Не уверен я.

А Цун с презрением сплюнул:

— Тьфу! Шельма бессовестная, что чувства Ады обманула! Они уж... — А Цун замедлил шаг, убедившись, что Ада далеко впереди, и понизил голос:

— Они уж на одной лежанке спали.

— Как-как?! — Чай Цзыжань от изумления язык проглотил.

К счастью, А Цун, выдав тайную связь Ады и Цзинь Синя, тут же замолчал.

Когда они вернулись в Пятый лагерь, Чай Цзыжань увидел, насколько то убогое поселение: десяток больших навесов, сколоченных из дешёвой, но прочной ткани, под каждым — несколько человек. Мужчины, женщины, старики, дети — все мирно беседовали или резвились, над кровлями вился дымок очагов. Идиллическая картина заставила Чай Цзыжаня усомниться: то ли в разбойничье логово он попал, то ли в какую-то неведомую деревушку.

Малыш с двумя торчащими косичками подбежал к Чай Цзыжаню, сверкнул чёрными, как виноградины, глазками и важно заявил:

— Атаман сегодня гостей не принимает.

Ада и А Цун удивились:

— Чай Цзыжань не гость, а новобранец наш.

Малыш снова моргнул — видимо, атаман не проинструктировал его на этот случай. Чай Цзыжань присел, улыбаясь:

— Редечка, а говорил тебе атаман, что, завидев братьев по лагерю, надо почтительно здороваться?

Малыш на мгновение задумался, затем кивнул:

— Здравствуйте, братья!

Чай Цзыжань осклабил:

— А атаман-то красивый?

На сей раз малыш, не раздумывая, выпалил:

— Некрасивый. Страшный.

Чай Цзыжань съёжился и шмыгнул за спину Ады:

— Может, в другой раз зайдём? Говорят, уроды на красавцев завидуют. — Он откинул прядь волос:

— Боюсь, приглянусь я ему.

Ада: «...»

А Цун вытащил его из-за спины:

— Атаман — мужчина.

Чай Цзыжань вжался за Аду ещё сильнее:

— Я потому к вам, богатырям, и прибился, что мужчина на меня положил глаз! Страшно-ууу... Да и все Жунуны — народ подлый, ууууу!

В глазах А Цуна мелькнуло удивление:

— Откуда ты знаешь, что атаман — Жун?

Чай Цзыжань смущённо поправил волосы:

— Хе-хе, угадал. Небось, Жун Лин его звать?

А Цун покачал головой:

— Нет. Жун Жэнь.

— Жун Жэнь? — Чай Цзыжань почесал подбородок, и подозрения его лишь окрепли: не Жун Лин ли тут замешан? Тот славился злопамятностью. В трактире «Дымка и дождь» сестра его облаяла — наверняка затаил злобу и выжидает момент для мести. Чай Цзыжань высунулся из-за Ады, подмигнул малышу:

— Редечка, атаман гостей не принимает, а про братьев ничего не говорил?

Малыш упёр руки в бока и важно изрёк:

— Прежде чем отвечу, ты на мой вопрос ответь.

Чай Цзыжань усмехнулся:

— Ладно.

Малыш спросил:

— Откуда ты знаешь, что меня Редечкой звать?

Чай Цзыжань терпеливо объяснил:

— Потому что ты милый, как редечка.

Малыш оскалился, взгляд его скользнул за спину Чай Цзыжаня, и вдруг он радостно крикнул:

— Братец Лин! — И помчался к подошедшему, обхватив его ноги. Малыш, несмотря на возраст, оказался проворнее котёнка.

Чай Цзыжань вздрогнул, обернулся к «братцу Лину». Им оказался его старый знакомый Жун Лин. Чай Цзыжань нахмурился:

— Где сестра?

Ада, уже насторожившийся, спросил:

— А кто твоя сестра?

<http://bllate.org/book/15931/1423975>